
**СТИХИ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ**

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

С древних времен
влюбленные
 возводят воздушные замки,
но еще не было случая,
 чтобы они
 довели дело до конца.

Иногда не хватает стекол
для окон,
 выходящих на восток и на запад,
иногда — дверей,
 иногда — терпения у творца.

По всей планете стоят недостроенные,
полуразрушенные дворцы надежд
с гвоздиками,
 высохшими на подоконниках,
с розами,
 одичавшими без людей.

Мы приходим в такие дворцы,
чтобы прикоснуться к знакомым лицам.
Здесь давным-давно
 никого нет,
и старые дворы
переполнены серыми скелетами листьев.

И мы выбегаем из этих нелепых развалин
на площади,

где плещется солнце,

бьющее через край.

И снова возводим

воздушные замки.

А зачем?

И сами не знаем...

Лето 1961, Молдавия

Из цикла «ГЛАДИАТОРЫ»

1

И были храмы как пожары.
И, как про жаркую весну, —
кричали трусы про пощаду,
раскинув руки по песку.

И ты вошла и всех простила,
за то, что все хотят любить,
за то, что счастья не просили,
(просили — просто не убить),
за то, что день пойдет на убыль,
и ты забудешь нашу кровь,
и похоронят наши губы
под безымянною горой.

2

Проходили гунны по Риму,
проходили грузные танки,
и большие птицы парили.
Потому что война настала.

Потому что устали кони,
не осталось могил в запасе,
остались только иконы
для пропавших и просто павших...

Только — волчья песня о горе,
только вдовы плачут ночами,
только травы вступают в город.
Чтобы все

повторить

с начала.

Лето 1962, Эстония

СИРЕНА

Всхлипы...

И вдруг —
а глаза все круче и круче —
отпечатан на скалах
оскал зубов.

Как молили они,
как метались
в безвыходном круге!

О возьми, Одиссей!

О! Возьми с собой.

Тело мое, о, как параллельно мачтам,
ты привязано к миру
веревками в десять рядов!

Как безумно
белками навывкате

остров маячит...

и уже не дойти,
не достичь,
не достать рукой.

Ноябрь 1962

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДЛЯ ЛЮБВИ

Земля моя!

Кругом.

С восьми километров.

Какие там реки —

в мизинец длиной!

Земля моя!

Песня. —

Четырежды мерным

в четыре пропеллера

рейсом домой.

Прощай,

я сегодня оглохну от бури,

ослепну

от солнца

на уровне глаз

и просто примыслю

твои атрибуты:

березы, как точки,

и горы в ногах.

Я выберу город —

огнями на север,

усталый автобус —

крутить и качать,

спокойную память,

спокойное сердце.

Останутся

руки —

дрожать в рукавах.

Ноябрь 1962

БАВИЛОН

С чего началось?

Лес вырубали.

Равняли озеро.

Плеск —

в лес.

Заложен фундамент.

И вот — башня,

Роскошь конструкций.

Блеск.

Блеф.

И тогда передрались:

кому —

выше!

Тугие белки наливала удаль.

Орали:

носом

не вышел!

Впивались ногтями:

Иуда!

Ты бежал.

Ты ставил рекорды в беге.

Камни в спину.

Сотни.
Тысячи лет.
И стучал телеграф:
 Бейте!
Беглый еврей.
Жулик.
 Подлец!
Протыкали тела
 лагерями,
взглядом.
Убивали,
улыбались:
 что, больно?
Разбивали лбы.
 Очнулись. —
Ладно.
И назвали:
 равенство,
свобода.

Ноябрь 1962

САШЕ

Ты проходишь насквозь
этот город и годы и метры
по трамвайным следам,
по зеленым рефлексам реклам.
От кольца до кольца —
промежутков
 почти незаметный,
ничего не успеешь...
сегодня ты просто солдат
с голубыми глазами,
сегодня ты понял впервые,
как печально любимое имя звучит по складам.
Понимаешь,
такая смешная привычка... —
перед тем как проститься,
подолгу стоять на углах
и гадать по снежинам,
если четное,
значит, не выйдет,
значит, завтра опять
уходить одному наугад
через город
 и годы
 и метры.

Декабрь 1962

НЕНУЖНЫЕ ПЕСНИ

1

Ты только колдунья,
ты так нагадала,
ты так наказала
ни за что, ни про что.
А память твоя
как книга для жалоб,
пиши сколько хочешь —
никто не прочтет.
Не вместе, а рядом
мы шли по дороге,
эта дорога
никуда не вела,
и только случайно
была ты дороже
и лучше других
случайно была.
Ты только колдунья,
ты так нагадала,
ты так наказала
ни за что, ни про что.
А память моя

как книга для жалоб,
пиши сколько хочешь —
никто не прочтет.
Я все позабуду,
закончены счеты,
и на юг и на север
раскрыты пути.
Ты совсем не колдунья,
ты просто девчонка,
ты хотела остаться,
а нужно уйти.

Лето 1963

2

По асфальтам городов,
по травам
незамысловатые следы
наши,
существующий порядок
заставляет нас играть в пятнашки,
бегать по все Земле,
желтые листья мять.
Дело идет к зиме.
Здравствуй, моя Зима!

По асфальтам городов,
по травам
не пересекаются следы
вовсе,

существующий порядок
обещает массу удовольствий —
целую жизнь искать,
сентиментально ждать.
Дорога к тебе узка,
как острие ножа.

По асфальтам городов,
по травам
временем засыпаны следы
наши,
существующий порядок
разрешает встретиться однажды.
Солнце не греет в долг,
от холода пальцы дрожат.
Время меня ведет
по острию ножа.

Февраль 1965

3

Кто из богов Земли
встречу благословил?
Видишь, как я спешил —
сердце мое в пыли,

видишь, принес дары:
этот простой мотив,
старые башмаки,
стоптанные до дыр.

Что из моих чудес
ты у меня возьмешь?
Может быть, ночь и дождь
или зеленый лес?

Каждому на веку
выделена судьба,
я не держу тебя,
знаю, что уведут.

Знаю, придется мне
вслед за тобой идти,
этот простой мотив
спрятать до лучших дней.

С разных сторон Земли
письма тебе пишу,
видишь, как я спешу —
сердце мое в пыли.

Лето 1966

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

На моей философии
отпечатки монет,
башмаков волонтерских
на военный манер.
Изрубили подковами,
налатали заплат,
и ломалась под корень
сырая земля.
И не птичья артель
по утрам верещала —
полотном Верещагина
громоздился апрель,
и дышала над ним
трудно
 с хрипом гриппозным,
как река Анадырь —
всенародная польза.
Но — цветами венчают скупые кресты,
и про новое счастье
кричат цветы,
и на летней, на гладкой,
на проклятой земле —
красота ненаглядная
вырастает взамен.
...Так полна опечаток
биография века.
Позолочена сверху
для партнеров по счастью.

Январь 1965

ПАМЯТИ ВАН-ГОГА

...И вся,
 как взмах руки перед ударом,
как проливная мартовская ночь.
Сорву ярлык
 «НАЗНАЧЕНО К ПРОДАЖЕ»,
пройду насквозь и встану под окном.
Лицо — дождю, и грешником веселым
приплясывать, шататься и шептать...
Но где предел восторженного слова
и в чем твое начало, нищета?
Я не смогу отречься от причины,
сгоревшее бессмысленно тушить.
Еще один
 безвестный день прочитан
и отдан букинисту за гроши.

Осень 1964

ТА ЖЕНЩИНА

Та женщина входила в нашу жизнь,
дарила ей звучание органа
и так легко разыгрывала гаммы,
как будто с детства обучалась лжи.
Откуда эта техника бралась
и сила — покушаться на основы,
в какие неразгаданные ноты
она скрывала призрачную власть?

Я не пройду по улице твоей,
не положу к ногам скупые слезы,
нас метит жизнь, как белые березы,
и сок течет по лезвиям ножей.

ОТДАЙ ЭПОХЕ

*...головы можно деформировать,
придавая им желательную форму,
например форму пилотки...*

Отдай эпохе на закланье сына,
смышленного и шустрого мальчишку,
который для борьбы пришел на Землю
под барабанный бой весенних бурь.

Отдай эпохе на закланье бога,
пока он лишь по комнате гуляет,
пока он лишь простое слово «мама»
умело сочиняет по складам.

Отдай эпохе на закланье гений,
который, может быть, создаст поэму,
а может быть, расколется мир на части,
как перезрелый греческий орех.

Он столько лет на ниточке держался,
подобно позолоченным орехам,
которые всегда висят на елке
среди игрушек, ваты и свечей.

На этот раз игрушки уцелеют,
еще не время встать на табуретку
и липкими от сладостей руками
красивые орехи оборвать.

Еще не время.
Мальчики возводят
макет цивилизации на пляже,
и служит созидательным порывам
великолепный северный песок.

Но посмотри:
макет забрызган кровью,
и падают и падают солдаты
с разбитыми пустыми черепами
игрушечными лицами в траву.

Над ними плачет северное небо,
а жизнь полна открытий и загадок
и сделана как будто специально
для детских «почему» и «отчего».

И мальчики идут неровным строем
В смешных фуражках, форменной одежде
коряво выводить большие буквы
на старой чисто вымытой доске.

Им объяснят, что дважды два — четыре,
что Родина достаточно прекрасна,
что неприлично нарушать порядок,
а слово «смерть» они поймут потом.

Еще не время, белый пух ложится
на старые садовые скульптуры,
и круто пахнет солью и гранитом
спокойная приморская зима.

Но тяжкий груз несут по кругу стрелки.
Спешит эпоха вырастить мальчишек,
уже никто не скажет: вот мальчишки, —
когда они по улицам идут.

Они вступают в город чинным строем
в смешных пилотках, форменной одежде,
и мальчишки бегут за ними следом,
и женщины затравленно глядят.

Над ними небо дождь мешает с кровью,
и падают и падают солдаты
с разбитыми, как надо, черепами
мальчишескими лицами в траву.

Отдай эпохе на закланье сына,
отличника, педанта и тихоню.
Он будет показательным солдатом
на зависть всем соседкам по двору.

Он будет убедительным примером
слепого исполнения приказов.
Эпоха любит, чтобы ей служили,
Не зная «почему» и «отчего».

Отдай эпохе на закланье гений,
подумаешь — одной поэмой меньше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru